

Ши Цзинь чувствовал себя настолько неудобно, что ему хотелось раствориться в воздухе.

Сяо Сы, совершенно не замечая его смущения и дискомфорта, гордо заявил:

<Цзинь-Цзинь, не скромничай, ты отлично справился прошлой ночью! Сейчас тебя все будут хвалить!>

Ши Цзинь тихо ответил:

— Сяо Сы, знаешь... до поступления в полицейскую академию я был типичным ботаником, который совершенно не дружил со спортом.

Сяо Сы не понял, к чему он клонит.

<И что?>

— И то, что все боевые навыки, которые я продемонстрировал прошлой ночью, я получил именно там. Более того, это стандартные приемы из программы подготовки офицеров полиции, — объяснил Ши Цзинь, недружелюбно косясь на Гуа Первого, который уже принял позу лектора. — А в этой жизни молодой господин Ши Цзинь был изнеженным пухляшом*, который только недавно сумел похудеть.

Сяо Сы: *<...>*

Ши Цзинь тяжело вздохнул:

— Учитывая все это, как думаешь, эти весьма неглупые люди, сидящие рядом, похвалят меня или распнут после просмотра вчерашней записи с камер?

Сяо Сы содрогнулся.

<Цзинь-Цзинь, давай сбежим! Я дам тебе бафф, чтобы помочь!>

Ши Цзинь окатил его холодной водой:

— Как? Гуа Третий забрал все мои вещи из развалин, и теперь они упакованы в чемодан Гуа Второго. Как ты предлагаешь мне бежать без документов?

<Уа-а-а-а, Цзинь-Цзинь, не умирай, Цзинь-Цзинь, я не хочу, чтобы ты умирал...>

 — Сяо Сы разрыдался, как ребенок, теряющий маму.

Голос Ши Цзиня звучал беспомощно, но мягко:

— Не плачь. Что мы будем делать, если ты случайно затопишь мой мозг слезами? Я же поглупею.

Сяо Сы: *<...Ух, хнык.>*

Ши Цзинь:

— Хороший мальчик.

Пока человек и система препирались в сознании Ши Цзиня, Гуа Первый уже начал анализ видео.

Он намеренно приблизил и увеличил фигуру Ши Цзиня, комментируя:

— Обратите внимание на время записи. В этот момент Гуа Четвертый приближался к резиденции Цзюнь-шао по главной дороге. Как только Ши Цзинь понял, что что-то не так, он немедленно бросился туда. Его реакция была решительной и правильной, но посмотрите сюда...

Он увеличил изображение еще больше, сфокусировав внимание на руке Ши Цзиня, тянущейся к карману брюк, и продолжил:

— Здесь, обратите внимание на это движение: Ши Цзинь прошлой ночью совершил очень грубую ошибку — отсутствие средств связи.

— Пфф! — Гуа Второй громко расхохотался, совершенно не заботясь о достоинстве Ши Цзиня.

Ши Цзинь скользнул по нему взглядом, изобразив спокойную улыбку, но в его глазах читалась жажда убийства.

— Кхм, ну, Ши Цзинь еще молод и неопытен, это можно понять, — сказал Гуа Второй, не моргнув глазом, с выражением снисходительного старца на лице.

Гуа Первый прекрасно понимал, что Гуа Второй просто дурачится. Он послал младшему предупреждающий взгляд, затем посмотрел на Ши Цзиня и подчеркнул:

— Запомни: независимо от ситуации, потеря связи с союзниками — это самая серьезная, самая непростительная ошибка, ясно?

Ши Цзинь вспомнил свирепый вид Гуа Первого при их первой встрече и горячо закивал, не смея возражать.

Гуа Первый удовлетворенно кивнул и включил следующую часть видео — Ши Цзинь добирается до внутреннего двора.

Сначала он позволил им просмотреть всю запись, затем отмотал к моменту, когда Ши Цзинь перепрыгивает через стену, замедлил видео и прокрутил его еще три раза. Наконец, он остановил видео и спросил:

— Все ясно увидели?

Пока замедленное видео воспроизводилось снова и снова, расслабленная атмосфера в машине постепенно улетучивалась. Сердце Ши Цзиня забилось быстрее; он понимал, что настал момент истины.

— Раз увидели, давайте смотреть дальше. — Гуа Первый бросил на Ши Цзиня многозначительный взгляд и включил несколько смонтированных замедленных видео с камер наблюдения.

Эти видео уже не были непрерывной записью, а представляли собой короткие клипы, показывающие только сцены, где Ши Цзинь вступал в бой. И они были исчерпывающими: вот Ши Цзинь застает охранника врасплох и отбирает у него телефон и пистолет; вот он осторожно открывает дверь и мастерски стреляет в Гуа Четвертого, затем бросается вперед, чтобы скрутить его; а вот момент, когда он атакует врача в прыжке.

Все его действия были быстрыми и уверенными. Он использовал только один удар для победы над каждым противником, без лишних движений. Более того, казалось, что он делал это невероятно привычно, как будто регулярно тренировался.

Все присутствующие повернулись к Ши Цзиню с одинаково нахмуренными бровями и вопрошающими взглядами.

— ...Я могу объяснить, — сказал Ши Цзинь под давлением их взглядов. Заставив себя успокоиться, он напустил на себя серьезный вид и начал нести околесицу: — Как вы знаете, мой отец был очень богат и многие его сильно ненавидели. Я даже сосчитать не смогу, сколько людей пытались использовать меня, чтобы добраться до него, кто по-хорошему, кто по-плохому. Он боялся, что со мной что-то случится, поэтому нанял телохранителей, и многие из них были отставными солдатами и полицейскими. Раньше, когда мне было скучно, я тренировался с ними и кое-чему научился... Но когда я растолстел, то забросил тренировки. Поэтому сейчас я немного заржавел и опозорился перед вами. — Сказав все это, он выдавил из себя слегка смущенную улыбку, отчаянно пытаясь сыграть роль «невежественного молодого господина, который не осознает своей истинной силы».

Сяо Сы был так напуган, что обвесил Ши Цзиня кучей баффов, вроде «искренность», «отсутствие чувства угрозы» и «приятный голос», тайно молясь, чтобы Ши Цзинь смог всех убедить.

Воцарилась тишина.

И она все продолжалась.

Как раз когда Сяо Сы уже был готов впасть в панику и расплакаться, Лянь Цзюнь внезапно заговорил:

— Понятно, так вот в чем дело.

Ши Цзинь облегченно выдохнул. На мгновение ему даже показалось, что Лянь Цзюнь действительно очарователен.

Сяо Сы запричитал:

<Я так и знал, Дорогой любит тебя больше всех! Цзинь-Цзинь, ты молодец! Уа-а, уа-а-а...>

Чувствуя абсолютное бессилие, Ши Цзинь дал ему искренний совет:

— В следующий раз говори только последнюю часть, хорошо?

Атмосфера мгновенно разрядилась, и выражение лица Гуа Второго вернулось в норму. Он похлопал Ши Цзиня по плечу и сказал:

— Говоришь, растерял сноровку, а такое вытворяешь... Пацан, я и не подозревал, что ты, оказывается, гений.

Ши Цзинь быстро замахал руками, уверяя, что он всего лишь обычный недоучка.

Гуа Второй хмыкнул, схватил его и с силой растрепал волосы — в наказание за фальшивую скромность. Ши Цзинь в ответ вцепился ему в руку когтями и обозвал педофилом.

Лянь Цзюнь постучал по подлокотнику своей инвалидной коляски, призывая к тишине, и

жестом велел Гуа Первому продолжать. Все замолчали и послушно переключили внимание обратно на экран.

Раз навыки Ши Цзиня получили разумное объяснение, Гуа Первый закрыл смонтированное видео, включил полную версию и начал анализировать тактические решения Ши Цзиня после его проникновения во внутренний двор Лянь Цзюня.

Во-первых, он высоко оценил решение Ши Цзиня выстрелить в Гуа Четвертого через щель в двери и напомнить Гуа Второму проверить машину Гуа Четвертого. Во-вторых, он раскритиковал Ши Цзиня за то, что тот не смог полностью обезвредить противника после того, как остановил его, предположив, что такая оплошность может иметь очень серьезные последствия при одиночных действиях. В конце концов, он пришел к выводу, что Ши Цзинь — перспективный новичок, которого стоит тренировать: таланта у него достаточно, не хватает только опыта.

После этого он раздал всем чистые листы бумаги и попросил оценить работу Ши Цзиня. Проходной балл составлял 60 из 100.

Ши Цзинь онемел. Он смотрел, как Гуа Второй и остальные возвращают листы Гуа Первому, и чувствовал себя так, словно вернулся в школу и сейчас учитель будет публично его отчитывать.

Гуа Первый собрал листы, не читая, и передал их прямо Лянь Цзюню. Лянь Цзюнь взял их, мельком взглянул на оценки, затем посмотрел на Ши Цзиня и произнес:

— Последний вопрос: как ты понял, что с Гуа Четвертым что-то не так?

Ши Цзинь думал, что его экзамен уже закончен, поэтому такого вопроса он не ожидал. Его сердце забилось быстрее, а мозг начал лихорадочно работать, но выражение лица не изменилось.

— Потому что... потому что я прекрасно знаю, как выглядит фальшивая забота и любовь. Поэтому, увидев вчера Гуа Четвертого, я сразу заметил, что его раскаяние и беспокойство за Гуа Первого были наигранными, а его нежелание смотреть на носилки — признаком вины. Если я не ошибаюсь, рану Гуа Первому нанес именно Гуа Четвертый, верно?

Глаза Гуа Первого потемнели при этих словах, как будто он вспомнил что-то неприятное. Очевидно, Ши Цзинь был прав.

— Кроме того, настойчивое желание Гуа Четвертого поговорить с Цзюнь-шао наедине было подозрительным. В такой ситуации нормальные люди так себя не ведут, — добавил Ши Цзинь, стараясь придать своему объяснению больше убедительности.

Лянь Цзюнь кивнул и сложил листы бумаги в руке.

— На этом сегодняшний разбор закончен. Ши Цзинь будет сопровождать меня вместо Гуа Третьего. Гуа Третий, ты пока возьмешь на себя обязанности Гуа Четвертого, пока мы не найдем ему замену.

Гуа Третий почтительно поклонился:

— Да, сэр.

С приказом Лянь Цзюня атмосфера в машине быстро стала непринужденной. Гуа Второй и Гуа Пятый со смехом поздравляли Ши Цзиня, Гуа Первый тоже довольно дружелюбно улыбнулся ему и откинулся на спинку сиденья.

Ши Цзинь выглядел ошеломленным.

— Почему вы меня поздравляете? И Цзюнь-шао, вы правда позволите мне остаться рядом с ва...

— Не хочешь? — холодно спросил Лянь Цзюнь, перебивая его. Выражение его глаз было суровым, словно говоря: если Ши Цзинь снова скажет какую-нибудь глупость, ничем хорошим это не кончится.

Ши Цзинь подавил дрожь и поспешно затряс головой: нет, он хочет, честное слово. Вспомнив реакцию остальных и их явно более дружелюбное отношение, он вдруг осознал — его что, повысили? От новичка на попечении Гуа Второго до доверенного подчиненного Лянь Цзюня? Так этот разбор был аттестацией на повышение?

Сяо Сы был приятно удивлен:

<Цзинь-Цзинь, твоя шкала прогресса упала до 650.>

Какое-то время Ши Цзинь не знал, что и чувствовать. Мгновение спустя он закрыл лицо рукой и протяжно выдохнул: денек выдался очень волнительным.

Вскоре они прибыли в аэропорт. Выйдя из машины, Гуа Третий добровольно уступил место Ши Цзиню и попросил его помочь катить инвалидную коляску Лянь Цзюня.

Ши Цзинь посмотрел на красивое, лишенное всякого выражения лицо Лянь Цзюня, смирился со своей судьбой и взялся за ручки коляски.

Особый статус Лянь Цзюня не позволял ему путешествовать как обычным людям. Чтобы обеспечить его безопасность, Гуа Первый связался с властями и напрямую зафрахтовал самолет. Следуя за Гуа Первым, Ши Цзинь вкатил Лянь Цзюня в самолет и помог ему сесть на свое место. Его движения были чрезвычайно осторожными и мягкими, настолько осторожными, что казались немного скованными.

Лянь Цзюнь взглянул на Ши Цзиня и неожиданно спросил:

— Я очень тяжелый?

— Вы называете это «тяжелым»? — Ши Цзинь нахмурился, с тревогой думая о его физическом состоянии. Он выпалил: — Вы слишком худой, вам нужно больше есть.

— У меня нет аппетита. — Лянь Цзюнь накрыл ноги пледом, затем достал журнал и открыл его, не глядя на Ши Цзиня. Его голос звучал слабо: — Я люблю соленую пищу с ярко выраженным вкусом, но из-за здоровья мне нельзя ее есть.

Ши Цзинь: "..."

Босс, вы из тех, кто затаивает обиды, не так ли?

Примечание переводчика:

* «Изнеженный пухляш» — я перевел 肥弱 как «изнеженный» (в основном потому, что не смог найти способ вставить это, неставляя Ши Цзиня обкуреным), но Baidu выдал такую вот поэтичную фразу: «подобно паразиту, чьи четыре конечности не знают труда». ЛОЛ.

<http://bllate.org/book/18125/1743059>